

Наталья Геннадьевна Комар

*кандидат филологических наук,
ассистент кафедры истории русской литературы,
Казанский (Приволжский) Федеральный университет
(Казань, Российская Федерация)
Bellenkaja@yandex.ru*

ТРАДИЦИИ «ПОВЕСТИ О ЖИТИИ ПЕТРА И ФЕВРОНИИ» ЕРМОЛАЯ-ЕРАЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аннотация: В статье поставлен вопрос о древнерусских источниках романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»: предпринята попытка рассмотреть в данном произведении традиции «Повести о Петре и Февронии» Ермолая-Еразма. Задачей исследования стало выявление параллелизма в романе и «Повести...» на образном, сюжетном и тематическом уровнях. В соответствии с этим исследование основано на сравнительном методе. Последовательно сравниваются главные герои: князь Петр и Петр Гринев, а затем — Феврония и Маша Миронова. На основе проделанной работы делается вывод: в мужских образах отображено духовное становление от самоволия к христианскому смирению. Важным моментом в духовной эволюции героев становится встреча с «мудрыми» девами и т. д. В отношении женских образов ключевой параллелью является похвала мудрости обеих в концовках произведений. Таким образом, материал исследования позволяет говорить о традициях «Повести о Петре и Февронии» в последнем романе Пушкина.

Ключевые слова: семейные ценности, традиции древнерусской литературы, проблема ответственности

Вопрос о «Повести о житии Петра и Февронии» как возможном источнике романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» еще не был темой специального исследования. Как правило, дело ограничивается указанием на ту или иную параллель на основании какого-либо признака. Так, Н. П. Жилина пишет: «Уровнем душевной чистоты «мудрая дева» Маша Миронова напоминает и героиню древнерусской литературы, таких как, например, Феврония <...> совмещающая в себе и фольклорно-сказочный, и христианский идеалы. Пушкинская героиня мудра не благодаря развитому интеллекту, а по свойствам натуры, ее «ум» основан на интуиции

и высочайшем нравственном благородстве» [1, 106—107]. В свою очередь, В. Е. Хализев в своей типологии ценностных ориентаций героев русской классики относит Петра Гринева и Машу Миронову к житийно-идиллическому сверхтипу и утверждает, что «биографии их предстают как некое служение и тем самым перекликаются с житийными» [2, 154—155]. В качестве примера ученый приводит «Повесть о житии Петра и Февронии».

Следует констатировать, что на сегодняшний день нет данных, подтверждающих знакомство Пушкина с «Повестью...», хотя известно, что писатель живо интересовался древнерусской литературой и историей, особенно после Михайловской ссылки, он переводил и публиковал древнерусские жития. Вместе с тем, на наш взгляд, в романе «Капитанская дочка» содержится ряд параллелей с произведением Еразма-Ермолая, основные из которых мы попытаемся представить в статье.

Важную роль в «Повести о житии Петра и Февронии» играет предисловие, в нем можно выделить несколько основополагающих идей, раскрытых затем Ермолаем-Еразмом в самом произведении. Первая идея имеет сотериологический характер, она связана с религиозной проблемой спасения человеческой души:

Любя же в человечестем роде вся праведники, грешныя же милоу, хотя бо всех спасти и в разум истинный привести (425)¹

О спасении души говорится не только в связи с главными героями — Петром и Февронией, но и в связи с князем Павлом, братом Петра, и его женой:

Не токмо в нынешнем веце злаго его дыхания и сипения (имеется в виду змей. — К. Н.) и всего скарядия, еже смрадно есть глаголати, но и в будущий век нелицемернаго Судию Христа милостива себе сотвориша (456).

Вторая идея, высказанная в предисловии, со ссылкой на апостола Павла такова:

Не будьте раби человеком куплени ибо есте ценою (454).

Она заключается в том, что человек не должен быть ничьим рабом, а только Божиим, потому что искуплен Кровью

Спасителя. Здесь Ермолай-Еразм ставит проблему свободы и воли человека именно так, как она понимается в православии: только свобода делает человека человеком, и эту свободу даже Бог никогда не нарушает, но заботится о человеке в соответствии с его волей, так как: «ведоми суть Единому, ведущему тайны сердечные» (454), то есть известны Господу все тайны сердечные и Он знает, что человеку нужно.

С проблемами спасения и свободы тесно связаны в древнерусской «Повести...» темы семьи и воспитания.

Все перечисленные выше проблемы, темы и идеи имеют прямое отношение и к повести Пушкина «Капитанская дочка».

Первое, что бросается в глаза при сравнении, — оба главных героя имеют одинаковое имя — Петр. Князь Петр с юности отличался благочестием:

Имеяше же обычай ходити по церквам уединяся (456).

Он прекрасно понимает, что только «Божиею помощью убиен да будет лукавый сей змий» (458), то есть полностью уповаешь на Бога в самых трудных жизненных ситуациях. И пушкинский Петр в родительском доме учился благочестию, во-первых, от примера добродетельной жизни отца и матери, а во-вторых, от Савельича, который оказал огромное влияние на его воспитание. Молодой человек получил и прекрасный наказ отца: «Береги честь смолоду». Мы видим, что Гринев в самые трудные моменты жизни полагается на Бога:

Я уж решился, *предав себя божией воле* (курсив наш. — К. Н.), ночевать посреди степи, как вдруг... (288)².

Однако, несмотря на все это, и князь Петр, и Петруша Гринев совершают несколько опрометчивых поступков, противных совести и христианскому мировоззрению. Оба автора показывают эволюцию главных героев.

Читатель «Повести...» становится свидетелем недостойных поступков князя Петра: он обещает жениться на простой девушке Февронии, если она исцелит болезнь, но в момент обещания даже и не думает выполнять его, считая брак между князем и крестьянкой нелепостью:

Князь же Петр, яко небрегий словеси ея, и помысли: «Како князю сущу древолазца дщи пояти себе жену!» И послав к ней, рече: «Рцыте ей, что есть врачество ея, да врачует. Аще ли уврачуе, имам пояти ю себе жене» (460).

Далее князь по наущению бояр проверяет ее за столом, когда она собирает крошки в руку; он скорбит и унывает в тот момент, когда вместе с супругой вынужден скитаться, отказавшись от княжества.

Петр Гринев также совершает ряд недостойных поступков: напивается и проигрывает Зурину сто рублей, пытается уговорить Машу выйти за него замуж без родительского благословения, отчаивается после отказа Маши и разлуки с ней:

Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал. Я боялся или сойти с ума или удариться в распутство (312).

Еще одно общее место в произведениях: в эволюции главных героев огромное значение имеет их встреча с будущей супругой (Феврония, Маша). Изначально они пытаются проявить своеволие: князь Петр не хочет жениться на Февронии, хотя не знает, что это за девушка; Петр Гринев мечтает о Петербурге, и очень разочарован поездкой в Оренбург, не предполагая встретить там свою будущую супругу. Однако, как убедительно показывают оба автора, в обоих случаях действует промысел Божией. И именно по промыслу Божию князь Петр посылает гонцов в Рязань, где находит свою судьбу, а Петр Гринев едет в Белогорскую «богоспасаемую крепость», где также обретает себе супругу.

И только соизмеряя собственную волю с промыслом Божиим, то есть поступая рассудительно, герои находят выход из трудных ситуаций, а если действуют своевольно, из этого ничего хорошего не выходит. Так, в повести «Капитанская дочка» первоначально Гринев действует несколько раз необдуманно, например:

Прочитав это письмо, я чуть с ума не сошел. Я пустился в город, без милосердия прищпоривая бедного моего коня. Дорогою придумывал я и то и другое для избавления бедной девушки и ничего не мог выдумать. Прискакав в город, я отправился прямо к генералу и опрометью к нему вбежал (342).

Гринеv сам ничего не смог придумать в таком мятежном душевном состоянии, а разговор с генералом ни к чему не привел.

В обоих произведениях важным является борьба с искушением, болезнь главных персонажей (князь заболел от змеиной крови, Петр был предательски ранен Швабриным во время поединка) и исцеление. Феврония исцеляет князя Петра, Маша также способствует выздоровлению Петра Гринева после дуэли. Важно заметить: если вначале они исцеляются телесно, то потом проходят долгий путь исцеления духовного. В связи с образом князя Петра об этом писал А. Н. Ужанков [3]. Петр Гринеv проходит схожий путь: от отчаяния и безысходности к молитве — сначала перед виселицей с петлей на шее:

Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу (325).

(Вспомним, что до этого Маша обещала молиться за него до последнего вздоха своей жизни.) Позже Петр Гринеv, оказавшись в темнице, уже не унывает, а от всей своей души обращается к Богу с искренней молитвой:

Такое начало не предвещало мне ничего доброго. Однако ж я не терял ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мною будет (366).

Еще одна параллель, которую можно провести между древнерусским и пушкинским произведениями, заключается в том, что оба героя являются защитниками: князь Петр защищает семью брата от лютого змея; он не покидает свою супругу, предпочитает остаться без княжества, нежели нарушить заповедь Божию по отношению к жене, следовательно,

также защищает и свою семью. Не случайно в «Повести...» содержится прямая похвала Петру как воину-защитнику:

Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть избити летящаго свирепаго змия! (470)

Это вполне можно отнести и к Петру Гриневу, он также проявил себя храбрым воином, защищая Отечество, а затем избавляя Машу от рук «гносного Швабрина».

Еще одна важная проблема затрагивается и Ермолаем-Еразмом, и Пушкиным: проблема власти, проблема главы семьи. Чем отличается тиран от истинного правителя? Тем, что истинный правитель, во-первых, соблюдает свободу другого человека, людей, народа, во-вторых, заботится о тех, кто ему вверен, и, в-третьих, несет полную ответственность за все происходящее и, если что-то сделано не так, винит одного себя. А тиран любыми средствами пытается насытить свой эгоизм, страдая при этом, находясь в постоянном раздражении и недовольстве всем окружающим, всеми окружающими и причиняя страдания другим. Оба автора показали, что путь тирании как разрушает личность самого тирана, так и причиняет страдания окружающим. Для этого Ермолай-Еразм противопоставил дела бояр княжению муромских чудотворцев, а Пушкин — Гринева и Швабрина. «Безстудные бояре» в «Повести...» покушаются на Февронию по наущению своих завистливых жен и от желания властвовать в Муромском княжестве: «Враг бо наполни их мысли» (464), — говорит Ермолай-Еразм. Швабрин в «Капитанской дочке» также хочет обладать Машей и стремится к власти, не выбирая средств, Пушкин показывает, что этот отрицательный герой находится во власти темных сил, которые им управляют. Ведь и Швабрин, и Гринев поставлены в одинаковые условия отказом Маши, но Швабрин продолжает добиваться ее порабощения, а Гринев отступает и оставляет Машу, не посягая на ее свободу, несмотря на свои душевные переживания.

Проблему власти и свободы Пушкин показывает и на примере отношений Гринева и Савельича: старый преданный слуга в проделках Петруши полностью винит себя:

—Эх, батюшка Петр Андреич! — отвечал он с глубоким вздохом. — Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! Что делать? Грех попутал (286).

Это один из важных эпизодов в произведении, к сожалению, искаженный в советском фильме, в котором Савельич, рассказывая кучеру о куме, жестами намекает на веселое времяпрепровождение. Таким образом, оба автора утверждают, что свобода — это не бесхарактерное своеволие, а огромная работа над собой. Вот как об этом пишет Л. Г. Дорофеева: «В развитии сюжета "Капитанской дочки", и в частности образа Гринева, идея воли занимает центральное положение и соотносится с понятиями свободы, насилия, власти, плена, развиваясь в идейно-тематическом поле напряженных отношений между идеями *бунта* и *смирения*» — (*курсив автора*) [4, 111]. Человек не может никому не подчиняться, и, если он не подчиняется Богу, то начинает подчиняться своим страстям, тем самым разрушая себя (баяре в «Повести...», любыми путями стремившиеся к власти, в результате поубивали друг друга, Швабрин в конце произведения показан жалким опустившимся человеком).

Особую роль в двух этих произведениях играют женские образы: Феврония и Маша Миронова изначально оказываются выше, чище, мудрее своих возлюбленных. Они любовью, терпением, мужеством и другими качествами помогают измениться своим будущим супругам. Не случайно в конце «Повести...» содержится похвала Февронии: «Радуйся, Февроние, яко в женстей главе святых муж мудрость имела еси» (470). Интересно, что здесь говорится о том, что она, будучи женщиной, обладает мужской мудростью, тогда как князь Петр приобрел эту мудрость далеко не сразу. Возникает вопрос, как это возможно? Дело в том, что мужской ум проигрывает в том случае, если его источник — только собственные размышления, не соизмеренные с промыслом Божиим, не имеющие истинного рассуждения. А женский ум, как утверждает Ермолай-Еразм, лишь в том случае прекрасен, если имеет своим источником не корыстные, своенравные интересы и капризы, а Божественное начало и жертвенность,

об этом рассуждал в своих статьях А. Н. Ужанков в связи с анализом «Повести...» [3].

Такое же понимание ума и мудрости мы находим в «Капитанской дочке». Пушкин вполне созвучен древнерусскому автору и между Февронией и Машей Мироновой очень много параллелей. Во-первых, название «Капитанская дочка» говорит само за себя, во-вторых, в письме императрицы тоже содержатся «похвалы уму и сердцу дочери капитана Мирнова (*курсив наш.* — К. Н.)» (374). И ее источник мудрости — смирение перед волей Божией. Савельич говорит о ней: «Такой невесте не надобно приданного» (362). При этом Пушкин совсем не идеализирует свою героиню: например, в разговоре с Гриневым о Швабрине, она говорит, что хочет нравиться Швабрину, Феврония же показана святой, как и подобает в житиях.

Не менее важной чертой характера обеих женских образов является мужественность. Мы видим, что Феврония смиренно и в то же время независимо держится среди бояр, она не меняется и тогда, когда становится княгиней. На первом месте в ее жизни стоит благочестие, исполнение евангельских заповедей. Те же черты мы находим у Маши Мироновой — она мужественно сопротивляется Швабрину, едет одна в Санкт-Петербург для спасения Гринева, скромно и просто ведет себя и с Анной Власьевной, и с императрицей. Удивительно и то, что она просит у государыни не правосудия, а милости, именно милости, потому что по закону Гринев является преступником, а только и именно по благодати заслуживает милосердия.

Можно выделить несколько важных черт в женском образе, признанных необходимыми и Ермолаем-Еразмом, и Пушкиным: вера в Бога, жертвенность, настроенность на брак и семью (причем, лишь на тот брак, который благословлен Богом и родителями), скромность, простота, способность утешить и поддержать. И напротив, внешность, богатство, сословное происхождение героинь оказываются не важными.

В произведении «Капитанская дочка» писатель отстаивает идеал христианской любви и семьи (показаны разные се-

мы, но основанные на жертвенности, любви и правде). Пушкин поднимает важнейшие проблемы спасения души, ответственности, власти, любви, семьи, воспитания и т. д., которые имеют место и в «Повести о Петре и Февронии». Все эти проблемы решаются обоими авторами в одном ключе, они одинаково показывают причинно-следственную связь поступков героев и событий, так как оба произведения основаны на православном мировоззрении, православном понимании мира и человека.

И не случайно в «Капитанской дочке» есть призыв, в котором слышится и боль, и надежда на то, что молодое поколение все же услышит его:

Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений (318—319).

Крепкая семья, основанная на традициях православия, изначально была залогом благочестивого общества с лучшими нравами.

Проведенные параллели не могут быть достаточным доказательством того, что «Повесть о Петре и Февронии» является прямым источником произведения Пушкина, тем не менее данный материал может быть использован в дальнейших исследованиях.

Примечание

- ¹ Цитаты приводятся по изданию: Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 452—471.
- ² Пушкин А. С. Капитанская дочка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 8. Кн. 1. Романы и повести. Путешествия. 1948. С. 277—384. Номер страницы указывается в круглых скобках.

Список литературы:

1. Жилина Н. П. Имя и образ в художественной системе «Капитанской дочки» // Творчество А. С. Пушкина: христианский аспект прочтения. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 97—110.

2. Хализев В. Е. Ценностные ориентации русской классики. М.: Гнозис, 2005. 432 с.
3. Ужанков А. Н. Повесть о Петре и Февронии Муромских. Ч. 1–2 [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/09/28/povest_o_petre_i_fevronii_muromskih_chast_1 (дата обращения 7 апреля 2013).
4. Дорощева Л. Г. Идея воли в «Капитанской дочке» и Священное Предание. Творчество А. С. Пушкина: христианский аспект прочтения. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 110–133.

Natalya Gennadievna Komar

*Ph.D. in Philology,
Assistant of the Department of History of Russian Literature,
Kazan (Volga) Federal University,
(Kazan, Russian Federation)
Bellenkaja@yandex.ru*

THE TRADITIONS OF ERMOLAY-ERAZMUS'S THE TALE OF PETER AND FEVRONIA IN ALEXANDER PUSHKIN'S NOVEL THE CAPTAIN'S DAUGHTER

Abstract: This article raises the question of the Old Russian sources of Alexander Pushkin's novel *The Captain's Daughter* and presents an attempt to identify the traditions of Ermolay-Erazmus's *The Tale of Peter and Fevronia* in it. The main purpose of the research was to identify the parallelism between Pushkin's novel and *The Tale* at the imaginative, narrative and thematic levels. Therefore, it was based on application of the comparative method. The main characters of both the books are compared in succession: Prince Peter and Peter Grinyov first, and then Fevronia and Masha Mironova. The results of the analysis lead to the conclusion that the male images reflect the spiritual evolution from being self-willed to obtaining Christian humility, and the key moment of the characters' spiritual evolution is the meeting with wise virgins, etc. As far as the female images are concerned, the key parallel between them is the praise of their wisdom at the end of both stories. Thus, the material of the research enables us to speak about the traditions of *The Tale of Peter and Fevronia* being preserved in Pushkin's last novel.

Keywords: family values, Old Russian literature traditions, the problem of responsibility

References

1. Zhilina N. P. Imya i obraz v khudozhestvennoy sisteme «Kapitanskoj dochki» [Name and Image in the Artistic System of the Novel "The Captain's Daughter"]. *Tvorchestvo A. S. Pushkina: khristianskiy aspekt*

- prochteniya* [Alexander Pushkin's Works: A Christian Aspect of Interpretation]. Kaliningrad, I. Kant RSU Publ., 2005, pp. 97–110.
2. Halizev V. E. *Tsennostnye orientatsii russkoy klassiki* [Value Orientations of the Russian Classics]. Moscow, Gnozis Publ., 2005. 432 p.
 3. Uzhankov A. N. *Povest' o Petre i Fevronii Muromskikh. Chast' 1–2* [The Tale of Peter and Fevronia of Murom. Part 1–2]. Available at: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2004/09/28/povest_o_petre_i_fevronii_muromskih_chast_1 (accessed 7 April 2013).
 4. Dorofeeva L. G. *Ideya voli v «Kapitanskoy dochke» i Svyashchennoe Predanie* [The Idea of Free Will in Alexander Pushkin's Novel "The Captain's Daughter" and the Holy Tradition]. *Tvorchestvo A. S. Pushkina: khristianskiy aspekt prochteniya* [Alexander Pushkin's Works: A Christian Aspect of Interpretation]. Kaliningrad, I. Kant RSU Publ., 2005, pp. 110–133.